

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА

ЛИСТОКЪ ПЕРВЫЙ.

Только что прочиталъ 6-ю книжку „Раб. Дѣла“. Она не лучше и не хуже своихъ предшественницъ. Въ ней есть нѣкоторый не лишенный интереса фактический матеріалъ, но совсѣмъ нѣтъ интересной „отсебятинъ“. Начинается она статей г. Тарасова: „Жизнь и смерть П. Л. Лаврова“. Я вполне понимаю и очень уважаю чувство, съ которымъ написана эта статья, но не могу не видѣть, что г. Тарасовъ не удовлетворительно характеризуетъ дѣятельность покойнаго автора „Историческихъ Писемъ“. Такъ, онъ говоритъ (стр. 12), что уже во время изданія „Впередъ“ П. Л. Лавровъ „не отдѣлялъ для Россіи социаль-экономической дѣятельности отъ политической, и разрушеніе деспотическаго государства считалъ насущною задачей русскаго революціонера“. Въ какомъ смыслѣ „не отдѣлялъ“? Какова была тогда его политическая программа? На это нѣтъ отвѣта, и мимоходомъ брошенная фраза не только ничего не поясняетъ читателю, но прямо спутываетъ его представленіе о развитіи социаль-революціонной мысли въ Россіи. Конечно, можно сказать, что тогда, когда писалась эта статья, нельзя было ни требовать, ни ожидать точной, критической оцѣнки взглядовъ П. Л. Лаврова. Но если нельзя было дать *точную, критическую* оцѣнку, то зачѣмъ же понадобилась *не точная и не критическая*? Не понимаю. Правда и то, что г. Тарасовъ съ своей точки зрѣнія можетъ считать свое вышеприведенное замѣчаніе вполне соответствующимъ дѣятельности и вполне способнымъ выдержать самую строгую критическую провѣрку. Но развѣ точка зрѣнія г. Тарасова совпадаетъ съ точкой зрѣнія редакціи „Рабочаго Дѣла“? Миѣ до сихъ поръ казалось, что — нѣтъ, и вотъ почему я думалъ, что эта редакція должна была сама написать о П. Л. Лавровѣ, не довольствуясь тѣмъ, что написать о немъ г. Тарасовъ. Редакція разсудила иначе и разсудила совсѣмъ не правильно.

Въ слѣдующемъ послѣдъ статьи г. Тарасова описанъ похоронъ П. Л. Лаврова изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ на его могилѣ, цѣлкомъ воспроизведена только рѣчь г. Кричевскаго. Изъ нея мы узнаемъ, что „несмотря на нѣкоторыя второстепенныя разногласія теоретическаго свойства, русскіе социалисты всѣхъ направленій могутъ и должны преклоняться передъ свѣтлой личностью мыслителя-борца“. Что личность П. Л. Лаврова заслуживаетъ величайшаго уваженія, это безусловно справедливо. Но о *какихъ* и о *какихъ* разногласіяхъ говорилъ ораторъ? Для насъ, социалъдемократовъ, важнѣе другихъ въ этомъ случаѣ разногласія П. Л. Лав-

рова съ марксистами. Марксисты придерживаются, какъ извѣстно, *материалистическаго* взгляда на исторію, между тѣмъ какъ историческіе взгляды П. Л. Лаврова (достаточно вспомнить его „Историческія Письма“) были насквозь пропитаны *идеализмомъ*. Развѣ это второстепенное различіе? Далеко нѣтъ. Если бы г. Кричевскій хотѣ отчасти выяснилъ себѣ смыслъ той ожесточенной литературной борьбы марксистовъ съ народниками и съ субъективистами, которая велась у насъ еще такъ недавно, то онъ, конечно, иначе взглянулъ бы на различіе въ историческихъ взглядахъ П. Л. Лаврова съ одной стороны и марксистовъ — съ другой и не назвалъ бы второстепеннымъ того различія, которое имѣетъ самую первостепенную важность. Но г. Кричевскому осталось, какъ видно, неяснымъ то, что прежде всего обязанъ выяснить себѣ человекъ, берущійся теперь за редактированіе органа, который называетъ себя *социалъдемократическимъ*.

П. Л. Лавровъ, какъ я уже сказалъ, заслуживаетъ величайшаго уваженія. Социалъдемократы *нравственно* обязаны чтить его память. Но они не имѣютъ *никакого права* затушевывать и скрывать разногласія, существовавшія между ними и Лавровымъ, и если они дѣлаютъ это по неразумію, по легкомыслию или по какой нибудь другой причинѣ, то заслуживаютъ строгаго порицанія.

Въ концѣ своей рѣчи г. Кричевскій воскликнулъ: „Поклоняемся же, товарищи, на могилѣ Петра Лавровича всегда слышать его голосъ, изъ-за гроба мощно зывающій къ намъ: „Идите и дѣлайте! Дѣлайте!“ Онъ не удовольствовался общаніемъ всегда *помнить* эти слова покойнаго. Нѣтъ, онъ полагался *всегда слышать ихъ* „изъ-за гроба“. Тутъ образность рѣчи граничитъ съ галлюцинаціей, и читатель „Раб. Дѣла“ съ безпокойствомъ спрашиваетъ себя: „Какъ здоровье г. Кричевскаго?“

За описаніемъ похоронъ П. Л. Лаврова слѣдуетъ статья: „Петербургское движеніе и практическія задачи социалъдемократіи“, написанная, по словамъ редакціи, товарищемъ, до недавняго времени принимавшимъ дѣятельное участіе въ петербургскомъ социалъ-демократическомъ движеніи“. Редакція напечатала статью „безъ всякихъ измѣненій, какъ цѣнное сообщеніе близкаго наблюдателя“. Это въ самомъ дѣлѣ цѣнное сообщеніе, хотя его авторъ скорѣе *намекаетъ* на практическія задачи социалъдемократіи, чѣмъ *выясняетъ* ихъ. Неподкрашенная правдивость и полная искренность тона этой статьи рѣзко и выгодно отличаются отъ казеннаго тона officialнаго словословія, составляющаго отличительную черту всего, выходящаго изъ-подъ пера редакціи „Раб. Дѣла“.

„Отдѣльные кружки, отдѣльные революціонеры — говоритъ правдивый авторъ — не собраны, не объединены, не составляютъ единой, сильной, дисциплинированной организаціи съ планомерно развитыми частями. А только съ возникновеніемъ такой организаціи... станетъ возможна правильная и успѣшная борьба съ такой громадной силой, какъ русское самодержавіе“.

Совершенно вѣрно. И именно потому, что это вѣрно, русскіе социалдемократы должны прежде всего *организоваться*. *Организація* является ихъ первой и самой важной обязанностью въ настоящее время. Но, приступая къ исполненію этой обязанности, они должны дѣйствовать осмысленно. Не говоря уже о томъ, что въ ихъ организаціи не должны быть допускаемы лица, не имѣющія „конспиративной“ сноровки, необходимо (особенно на первыхъ порахъ), чтобы она состоялась изъ людей, обладающихъ стройными взглядами, не зараженныхъ „беряштейнѣдой“ и не думающихъ подобно г. Г., что „толковать рабочей массѣ въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о социализмѣ, наконецъ объ уничтоженіи самодержавія вообще нецѣлѣбно и непродоводительная трата силъ.“*) Такихъ людей, какъ говорится, и даромъ не надо, да не надо и такихъ, которые поддерживаютъ ихъ по кумовству или по политической неразвитости.

Послѣ статьи о петербургскомъ движеніи напечатана статья г. Сибиряка: „*Борьба царскаго правительства противъ земства и народнаго образованія*“. О сей умолчу. Забѣчу только, что эта статья принадлежитъ къ числу тѣхъ, на основаніи которыхъ у меня составилось твердое убѣжденіе въ томъ, что „*Рабочее Дѣло*“ совершенно не соответствуетъ своему назначенію. Говорятъ обыкновенно, что оно издается для *развитыхъ* рабочихъ, а въ виду статей, подобныхъ названной статьѣ г. Сибиряка приходится признать, что это изданіе годится развѣ лишь для *неразвитой* „интеллигенціи“ или, какъ сказалъ бы Щедринъ, для *дѣтвей изряднаго возраста*. Такимъ дѣтямъ оно даже очень нравится, а взрослые тоскливо пожимаютъ плечами и жалуются на элементарность и безаладность, а главное — на непроходимую скуку, вѣющую отъ каждой строчки редакціонныхъ статей и статей.

Надо, однако, признаться, что въ 6-й книжкѣ „*Раб. Дѣла*“ встрѣчаются курьезы, способные разогнать самую звѣрскую скуку и побороть самую упорную зѣвоту. На нихъ надо остановиться.

КУРЬЕЗЪ № 1

или первое приложеніе къ № 6 „*Раб. Дѣла*“.

Въ этомъ приложеніи товарищъ Кольцовъ, отъ имени меньшинства членовъ „Союза Русскихъ Соціалдемократовъ“ напечаталъ слѣдующее:

*) О г. Г., принадлежащемъ къ группѣ, издающей теперь „*Раб. Дѣло*“, см. „*Vademecum* для редакціи „*Раб. Дѣла*““. Цитированное въ текстѣ мнѣніе г. Г. красуется на стр. 31-32 этой брошюры. Правда, въ этомъ мѣстѣ г. Г. излагаетъ взгляды нѣкогого г. Н. Н., но, по его собственному признанію, онъ съ г. Н. Н. „расходитъ немного въ вопросахъ о необходимости выставленія въ программѣ организационаго начала“, а во всемъ остальномъ (т. е. сѣмодовольно, и въ вопросѣ о борьбѣ съ капитализмомъ и самодержавіемъ) у нихъ „*полное согласіе*“. *Vademecum*, стр. 36.

Необходимое заявленіе.

„№ 6-й „*Рабочее Дѣло*“ выходитъ при обстоятельстве, на который мы обращаемъ вниманіе читателей. Нѣкоторые члены Союза Р. С. Д. убѣждены, что выборы, которые должны были возобновить полномочія редакціи этого изданія, состоялись при ненормальныхъ условіяхъ, благодаря которымъ редакція была на самомъ дѣлѣ выбрана лишь меньшинствомъ членовъ Союза. Это дѣлаетъ ее незаконной, равно какъ и нѣтъшнюю администрацію Союза, полномочіями которой были возобновлены при тѣхъ же ненормальныхъ условіяхъ. Редакція и администрація смотрятъ на это, конечно, иначе. Кто правъ — рѣшитъ третейскій судъ.“

Отъ имени меньшинства членовъ Союза Д. Кольцовъ. Женева, 27 мая 1900.“

На это редакція и администрація „Союза“ отвѣчаютъ:

„Редакція и администрація Союза Русскихъ Соціалдемократовъ находятъ необходимымъ съ своей стороны заявить слѣдующее:

Большинство членовъ Союза считаетъ совершенно неосновательнымъ вышеприведенное заявленіе „меньшинства“.

Мы согласились напечатать это заявленіе лишь потому, что въ противномъ случаѣ насталъ бы номеръ (№ 6-й) „*Раб. Дѣла*“, находящийся не въ нашихъ рукахъ, былъ бы задержанъ на неопредѣленное время отъ рѣшенія вопроса третейскимъ судомъ.“

Редакція и администрація
Союза Русскихъ Соціалдемократовъ.

27-го мая 1900.“

Итакъ, меньшинство заявляетъ, что редакція и администрація выбраны незаконно. Эти органы, въ свою очередь, называютъ неосновательнымъ мнѣніе меньшинства. Такіе казусы не часто случаются въ революціонныхъ организаціяхъ, но они возможны въ нихъ, какъ и повсюду, и никого особенно удивить не могутъ. Но чрезвычайно удивительно, прямо не вѣроятно признаніе редакціи и администраціи въ томъ, что они дали мѣсто заявленію меньшинства *только потому*, что *вынуждены были* дать его. И это признаніе напечатано частью курсивомъ, а частью даже жирнымъ шрифтомъ, вѣроятно для того, чтобы читатель хорошо понималъ, какава судьба ожидала бы простое и кроткое заявленіе меньшинства въ томъ случаѣ, если бы номеръ находился „въ рукахъ“ администраціи и редакціи: тогда, молъ, мы просто зажали бы меньшинству ротъ.

Чтобы оно не пикнуло,
Чтобы оно не пикнуло,
Чтобы не было жалобой,
Чтобы „ура!“ кричало бы.

Очень хорошо! Восхитительно! Только я не знаю, что восхитительнѣе: грубое, безпримѣрное въ исторіи нашего движенія отрицаніе правъ меньшинства, или наивность дыкаря, съ которой эти господа выставляютъ на видъ это попанье, сообщая о немъ курсивомъ и жирнымъ шрифтомъ.

И эти достойные люди кричатъ теперь *urbi et orbi* о томъ, что ихъ обманули и губятъ. Выходитъ по пословицѣ:

Медвѣдь корову деретъ да самъ же и реветъ.

И находятся люди, которые бранятъ корову и отъ всего сердца сочувствуютъ бѣдному Мишкѣ. О Гусѣ, незлобивый Гусь! Святой простоты и теперь не меньше на свѣтѣ, чѣмъ было въ день твоей ужасной казни!

Развѣ же это не замѣчательный курьезъ? Но это только цѣточекъ, а ягода слѣдуетъ ниже.

КУРЬЕЗЪ № II

или второе приложение къ № 6 „Раб. Дѣла“.

Чтобы вполнѣ насладиться вкусомъ этого приложения, его надо разсмотрѣть по частямъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Въ первомъ приложеніи къ № 6 „Раб. Дѣла“ напечатано заявленіе о томъ, что меньшинство Союза Русскихъ Соціалъдемократовъ считаетъ незаконной и дѣйствующей вопреки уставу редакціи, подъ которую выходитъ № 6 „Раб. Дѣла“.

Это — то самое заявленіе, которое намъ предлагали 10 го мая напечатать въ самомъ „Раб. Дѣлѣ“ и о которомъ г. Кольцовъ въ прокламации „Pro domo sua“ говоритъ: „Мы просили напечатать такого рода заявленіе въ № 6 „Раб. Дѣла“ отъ нашего имени. Если бы противной сторонѣ было дѣйствительно дорого дѣло, ей оставалось лишь удовлетворить это наше законное требованіе, что устранило бы всѣ препятствія къ выходу № 6 „Раб. Дѣла“.

Къ заявленію „меньшинства“ редакція и администрація Союза присоединили свою оговорку. Но это наше разясненіе положенія дѣла было написано *подъ цензурой г-на Плеханова*. Во изъясненіе этой цензуры мы соглашались напечатать листокъ безъ своихъ замѣчаній, оставляя за собою право сдѣлать это въ другомъ мѣстѣ; но г-нъ Плехановъ настаивалъ, чтобы на томъ же листѣ было напечатано и наше заявленіе, предварительное или самимъ просмотрѣнное.

Съ глубокимъ негодованіемъ мы протестуемъ противъ этого возмутительнаго насилія“.

Такъ называемая редакція „Раб. Дѣла“ выражается не совсемъ толково. Она хотѣла присоединить къ заявленію меньшинства свою „оговорку“, но это ея „добавленіе“ было написано *подъ цензурой г-на Плеханова*. Что значить „написано“ *подъ цензурой*? Хотѣли ли редакція сказать, что Плехановъ диктовалъ ей ея добавленіе? Если — да, то она хочетъ сказать неправду, потому что ничего подобнаго не было: представители большинства сами написали свое заявленіе и передали его на просмотръ представителямъ меньшинства, совершенно подобно тому, какъ представители меньшинства сами написали свое заявленіе и передали его на просмотръ представителямъ большинства. Такая процедура совершенно неизбежна ввиду, гдѣ рѣчь идетъ объ интересахъ двухъ спорящихъ сторонъ, и гдѣ ни одна сторона не пятается, *подъ тѣмъ* или другимъ предлогомъ, нарушить права другой.

„По какому же случаю шумъ?“ А вотъ по какому. Представителямъ большинства хотѣлось написать такое „добавленіе“, которое *доказывало бы*, что мнѣніе меньшинства о незаконности редакціи и администраціи неосновательно. И такое добавленіе дѣйствительно было нимъ написано. Но, ознакомившись съ его содержаніемъ, представители меньшинства замѣтили, что они считаютъ себя въ правѣ *разобрать доказательства*, приводимыя противной стороною; что такъ какъ подобный разборъ естественно вызвалъ бы *новое* возраженіе со стороны представителей большинства, на которое опять могло бы возражать меньшинство и т. д., и что т. к. подобная полемика грозила бы стать слишкомъ длинной для приложения, то они, представители меньшинства, думаютъ, что *обѣимъ сторонамъ слѣдуетъ ограничиться* простымъ выраженіемъ своего взгляда на законность (или незаконность) редакціи и администраціи. Представители большинства согласились съ этимъ, и тогда было написано (*подъ взаимной цен-*

зурой, если можно здѣсь говорить о цензурѣ) первое приложение, которое, — не нарушая ничьихъ правъ, — дало обѣимъ сторонамъ возможность высказаться по важному для нихъ вопросу. Теперь такъ называемая редакція „съ глубокимъ негодованіемъ“ протестуетъ противъ этого возмутительнаго насилія“. Гдѣ же „насиліе“? Въ чемъ? Опять таки въ томъ, что меньшинство защищало свои права и не соглашалось съ тѣмъ, которые хотѣли ихъ нарушить. Какое звѣрство! Какъ глубоко испортились, какъ грубо закоснѣли въ своей испорченности люди, составляющие меньшинство! O tempora! O mores!

Глубоко возмущенные господа, именующіе себя редакціей, продолжаютъ:

„Мы согласились напечатать первое приложеніе къ № 6 „Раб. Дѣла“ лишь *подъ угрозою*, что въ противномъ случаѣ № 6, захваченный у насъ, совсѣмъ не будетъ выпущенъ до рѣшенія вопроса третейскимъ судомъ въ неопредѣленномъ будущемъ, *подъ угрозою*, что въ противномъ случаѣ мы на неопредѣленное время лишены будемъ нашей типографіи и нашего склада, т. е. лишены будемъ возможности работать для русскаго революціоннаго движенія.“

Здѣсь повторяется то же наивное признаніе, которое мы прочитали выше: большинство согласилось выступить на равныхъ условіяхъ съ меньшинствомъ *только потому, что оно не могло поступить иначе*. Въ противномъ случаѣ меньшинство было бы стерто въ порошокъ. Такъ называемая редакція „Раб. Дѣла“ горько сожалеетъ о томъ, что ей не представилось такого случая. Благородное сожалѣніе!

Кстати о типографіи. Въ ней была часть, которую само большинство признаетъ принадлежащей Группѣ „Осв. Тр.“ Была и есть въ ней другая часть, о правѣ собственности на которую выскажется третейскій судъ. Какую же это типографію „редакція“ называетъ *своею*, „нашею“? Это остается тайной. И почему складъ можетъ быть названъ „нашимъ“, т. е. принадлежащимъ большинству? Тоже непонятно. Большинство сятаетъ себя въ правѣ предпринимать постановленіе третейскаго суда. Странно, очень странно! Работать для русскаго революціоннаго движенія, конечно, обязанъ каждый революціонеръ, но совершенно непостижимо, почему большинство думаетъ, что разъ оно выразило желаніе „работать“, то меньшинство тѣмъ самымъ лишается всѣхъ правъ состоянія? Мудрый Эдипъ, разрѣши!

Мы предположили на минуту, что дѣйствительно была цензура и что „г-нъ Плехановъ“ игралъ роль цензора. Теперь мы видимъ, что никакой цензуры не было. Можно поэтому, совсѣмъ не говорить о цензорствѣ „г-на Плеханова“. Я только замѣчу, что „г-нъ Плехановъ“ былъ однимъ изъ трехъ представителей и защитниковъ интересовъ меньшинства. Такъ называемая редакція направляетъ свои громы преимущественно на его голову. Почему она дѣлаетъ ему эту честь? Не знаю; но если это происходитъ потому, что, по мнѣнію „редакціи“, „г-нъ Плехановъ“ обнаружилъ особенное усердіе въ защитѣ интересовъ меньшинства, то онъ *гордится этой честью*, хотя въ то же время и считаетъ себя обязаннымъ признать, что она не заслужена имъ: онъ думаетъ, что въ

этомъ дѣлѣ его усердіе было не больше и не меньше усердія его товарищей.

Пойдемъ дальше. Представители большинства согласились на предложение представителей меньшинства относительно того, что именно будетъ напечатано въ приложеніи къ „Р. Д.“; но, какъ теперь видно, ихъ согласіе сопровождалось тѣмъ, что іезуиты называютъ это restriction mentale. Какъ только „Раб. Дѣло“ очутилось „въ ихъ рукахъ“, они тѣчася прибавили къ первому приложенію второе, въ которомъ попытались опровергнуть мнѣніе меньшинства на счетъ незаконности администраціи и редакціи. Разумѣется, довѣрчивое меньшинство лишено теперь возможности отвѣчать въ томъ же органѣ, такъ какъ онъ находится теперь „въ рукахъ“ большинства. Цѣль достигнута: ротъ меньшинству зажатъ.

Противъ такой тактики трудно возразить что-либо съ точки зрѣнія „люксовости“. Ее одобритъ самъ Разуваевъ, извѣстный специалистъ по части „объегориванія“. Но она курьезна и заслуживаетъ величайшаго вниманія именно своей безупречностью съ точки зрѣнія Разуваева.

„Раб. Дѣло“ было органомъ „Союза Русскихъ Соціалъдемократовъ“. Въ Союзѣ возникли несогласія; обѣ стороны рѣшили, что эти несогласія разсмотрятъ третейскій судъ. До рѣшенія суда „Раб. Дѣло“ не можетъ быть органомъ одной изъ сторонъ, и потому меньшинство имѣетъ несомнѣнное право защищать свои интересы на страницахъ того же изданія, или, по крайней мѣрѣ, въ „приложеніяхъ“ къ нему. Но у меньшинства отнято это право. И это оказывается *справедливостью*. Чудеса да и только!

Трижды невѣрно заявленіе г. Кольцова въ прокламаціи „Pro domo sua“, и трижды не имѣлъ основанія г. Плехановъ требовать отъ насъ напечатать заявленіе „меньшинства“ въ „Раб. Дѣлѣ“.

Почему же не вѣрно заявленіе Кольцова? И почему Плехановъ (читай: меньшинство) не имѣлъ права? Тому слѣдуютъ пункты.

1. Напечатать его въ № 6 „Раб. Дѣла“ мы отказались раньше не потому, что интересъ нашей организаціи ставили выше интересовъ дѣла, а потому, что не хотѣли, не считали себя вправе вносить въ литературу, предназначенную для русскихъ рабочихъ, распри, которая намъ, къ несчастью, приходится переживать самимъ. Невыполнимость этого требованія была признана и самимъ г. Плехановымъ, но, къ сожалѣнію, только двумя недѣлями позже — 27-го мая, когда онъ отказался отъ своего требованія отъ 10-го мая и настаивалъ на напечатаніи заявленія меньшинства уже не въ „Раб. Дѣлѣ“, а на отдѣльномъ листѣ“.

Позвольте, милостивые государи, это не такъ. Вы отказывались напечатать заявленіе меньшинства потому, что, какъ выразился г-нъ И.—нъ 25-го мая, это было бы для васъ *самоубійствомъ*. 26-го мая появилось заявленіе тов. Кольцова „Pro domo sua“, въ которомъ вамъ напоминалось, что отвѣтственность за задержку въ выходѣ въ свѣтъ 6-го номера „Раб. Дѣла“ падаетъ на большинство, такъ какъ оно отказывается дать мѣсто заявленію меньшинства о незаконности редакціи и администраціи А 27-го мая Вы заговорили уже о томъ, что не слѣдуетъ вмѣшиваться рабочимъ въ наши распри. Во избѣжаніе такого вмѣшиванія вы *первое* предложили тогда напечатать наше заяв-

леніе въ особомъ приложеніи. „Г-нъ Плехановъ“ немедленно сталъ поддерживать ваше предложеніе. Раньше онъ не могъ ни поддерживать, ни отклонять его, потому что раньше вы его совсѣмъ не дѣлали.

„П. Только голословность прокламаціи „Pro domo sua“, отсутствіе въ ней фактовъ и дать позволяло г. Кольцову протестовать „противъ обвиненія кого-либо изъ насъ“ (примыкающихъ къ Гр. „Осв. Тр.“) въ задержаніи № 6 „Раб. Дѣла“ и заявлять, что редакція сама виновата въ задержаніи № 6.

Вѣдь типографія, а съ нею и № 6 были у насъ захвачены 18-го апрѣля, а невыполнимое требованіе о напечатаніи въ „Раб. Дѣлѣ“ заявленія меньшинства было намъ впервые предъявлено только 10-го мая!“

Во-первыхъ, требованіе напечатать заявленіе меньшинства могло казаться „невыполнимымъ“ только представителямъ большинства, всей душой стремившимся къ поправу правъ меньшинства. Неприятно втягивать рабочихъ въ наши распри. Это такъ. И именно потому „г-нъ Плехановъ“ поддержалъ предложеніе представителя большинства о напечатаніи заявленія меньшинства въ особомъ приложеніи. Но еслибы рабочіе и узнали о томъ, что не всѣ члены Союза считаютъ редакцію закономъ выбранной, то это было бы зломъ еще не столь большой руки, чтобы для его избѣжанія можно было попирать непререкаемое право значительной части членовъ Союза. Если г-да „редакторы“ называютъ требованіе меньшинства „невыполнимымъ“, то это происходитъ единственно по той причинѣ, по которой всѣ узурпаторы всего міра, — и очень большіе, и совсѣмъ крохотные, подобно господамъ, о которыхъ мы говоримъ теперь, — называютъ *невыполнимыми* и *невозможными* всѣ требованія, идущія въ разрѣзъ съ ихъ интересами.

„Г-нъ Плехановъ“ не хотѣлъ вмѣшиваться рабочимъ въ наши распри. Съ его стороны это было понятно: онъ вообще не хотѣлъ вмѣшиваться постороннихъ въ эти распри, *поскольку онъ казался организационныхъ недоразумѣній внутри Союза*. Но большинство на всѣ голоса и на всѣхъ крышахъ кричитъ объ этихъ расправахъ и посвятило въ нихъ всѣхъ враговъ соціальной демократіи и лицъ всѣхъ возрастовъ и званій включительно до институтокъ. Эту ихъ крикъ на всѣ голоса о внутреннихъ неурядицахъ въ Союзѣ представляетъ собою по истинѣ скандальное явленіе, совершенно небывалое въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. И въ виду этого ихъ боязнъ вмѣшать рабочимъ казалась бы совсѣмъ непонятной, если бы не было слишкомъ очевидно, что она есть не болѣе, какъ лицѣйская фраза, прикрывающая собою непреодолимое стремленіе господъ, составляющихъ большинство, къ вопіющему нарушенію всѣхъ правъ меньшинства.

По словамъ авторовъ „Манифеста Коммунистической Партіи“, буржуазные социалисты суютъ „интересы рабочаго класса“ даже туда, гдѣ они совсѣмъ не причемъ: „Свободная торговля, въ интересахъ рабочаго класса! Покровительственный тарифъ, въ интересахъ рабочаго класса! Одноочное тюремное заключеніе, въ интересахъ рабочаго класса!“ Наши „редакторы“ идутъ еще далѣе: у нихъ даже завязываніе рта меньшинству дѣлается не иначе, какъ „въ интересахъ рабочаго класса“.

Во-вторыхъ, какъ объяснено въ заявленіи „Pro domo sua“, тов. Сушинскій совсѣмъ не захватывалъ типографіи, а только отказался передать ее одной изъ спорящихъ сторонъ. Онъ поступилъ, какъ ему подсказывалъ долгъ революціонера. Поступить иначе онъ не имѣлъ ни нравственнаго, ни даже формальнаго права: вѣдь онъ былъ членомъ Союза, когда произошли выборы редакціи и администраціи, и онъ прекрасно зналъ, какъ незаконны были эти выборы. Онъ видѣлъ, что гг. „редакторы“ и „администраторы“ не бо- лѣе, какъ узурпаторы. Съ какой же стати сталъ бы онъ, по нѣмецкому выраженію, отворять Thür und Thor узурпаціи?

Въ третьихъ. Гг. узурпаторы говорятъ, что требованіе о напечатаніи заявленія предъявлено было имъ лишь 10-го мая. Въ ихъ устахъ и этотъ фактъ является обвиненіемъ. Но это обвиненіе построено на песцѣ, какъ и всѣ прочія обвиненія узурпаторами меньшинства, пми же угнетеннаго. Требованіе о напечатаніи объявленія явилось со стороны меньшинства *уступкой*, вызванной тѣмъ, что дѣло созванія третейскаго суда стало затягиваться: вѣдь если бы можно было созвать третейскій судъ вскорѣ послѣ того, какъ тов. Сушинскій заперъ двери типографіи передъ носомъ узурпаторовъ, то ни въ какихъ печатныхъ заявленіяхъ со стороны меньшинства не было бы и надобности, такъ какъ тогда слово принадлежало бы не меньшинству и не большинству, а судьямъ.

Еще одно сказаніе!

III. Но требованіе это было сдѣлано не только слишкомъ поздно, но только оно было невыполнимо, оно было и есть, кромѣ того, совершенно обосновательно, и если оно названо въ прокламаціи „Pro domo sua“, „законнымъ“, то только потому, что всѣ заявленія этой прокламаціи голословны.

По словамъ гг. узурпаторовъ, требованіе, о которомъ идетъ рѣчь, было сдѣлано имъ 10 мая. Они согласились на него (съ извѣстною намъ restriction mentale) только черезъ семнадцать дней. Къ чему же надо отнести слова „слишкомъ поздно“? Къ предложенію, или къ изъясненію согласія на него?

„а) Редакція Союза является законной и дѣйствующей согласно требованіямъ устава, потому что она избрана на второмъ очередномъ сѣздѣ Союза Р. С.-Д.

Сѣздъ этотъ былъ созванъ по желанію всѣхъ членовъ Союза; на него явились $\frac{2}{3}$ всѣхъ членовъ: на всѣхъ его собраніяхъ присутствовало большинство съѣзжавшихъ членовъ.

Сѣздъ, состоявшійся при такихъ условіяхъ, является по уставу законнымъ. Въ доказательство незаконности сѣзда или отбѣйныхъ его собраній меньшинство не представило до сихъ поръ и не можетъ представить намъ ни одной ссылки на уставъ.“

Если уставъ за узурпаторовъ, то отчего они съ своей стороны не дѣлаютъ на него ни одной ссылки?

На самомъ дѣлѣ нѣтъ и не можетъ быть такого устава, основывавша на которомъ можно было бы оправдать дѣйствія узурпаторовъ.

Большинство членовъ сѣзда своимъ поведеніемъ вынудило меньшинство удалиться, а съ удаленіемъ меньшинства лица, оставшіеся на сѣздѣ въ свою очередь стали составлять лишь меньшинство членовъ союза. Это меньшинство (состоявшее изъ послѣдователей, „кумовьевъ“ и защитниковъ неза-

долго передъ тѣмъ разоблаченнаго мною г. Г.) судило и рѣшило, „порицало“ и „одобряло“, выбирало и постановляло все, что ему было угодно. Но меньшинство членовъ Союза не можетъ распоряжаться его дѣлами, и вотъ почему редакція и администрація, **выбранныя этимъ меньшинствомъ**, не только не законны, но однимъ своимъ существованіемъ составляютъ вопиющее беззаконіе. Пусть укажутъ мнѣ ту статью устава, которая могла бы оправдать дѣйствія распоряжавшагося на сѣздѣ меньшинства!

Гг. узурпаторы сами чувствуютъ непрочность своей позиціи; поэтому они стараются *обезпечить себѣ отступление*. Съ этой цѣлью они говорятъ:

„b) Но оспаривать законность сѣзда еще не значитъ оспаривать законность полномочій теперешней редакціи.

Редакція избрана вновь въ прежнемъ составѣ, а потому, если даже и считать послѣдніе выборы недействительными, права редакція остаются законными въ силу прежнихъ полномочій, которая не могутъ сами собою прекратиться до выбора новой редакціи“.

Неправда! Редакція была переизбрана меньшинствомъ, захватившимъ власть на сѣздѣ. Чтобы быть переизбранной имъ, она должна была сложить свои полномочія. Сложивъ свои полномочія, она лишилась ихъ. Лишившись ихъ, она перестала быть редакціей, избранной союзомъ. Последовавшее затѣмъ *беззаконное* переизбраніе ее не могло законнымъ порядкомъ возстановить ея полномочія. Поэтому редакція не только незаконна, но самое ея существованіе есть колоссальный скандалъ и вопиющее беззаконіе.

То же относится и къ администраціи.

„Редакція“ чувствуетъ, что не устоятъ ей и на этой позиціи, поэтому она отступаетъ еще дальше.

„с) Независимо отъ вышеизложенныхъ соображеній, заявленіе меньшинства лишено всякаго основанія по отношенію къ № 6 „Раб. Дѣла“ уже потому, что этотъ номеръ былъ не только проредактированъ и набранъ, но даже въ значительной части напечатанъ въ то время, когда законность редакціи еще никакъ не оспаривалась.

Все сказанное о редакціи, относится также и къ администраціи, такъ какъ она выбрана при тѣхъ же обстоятельствахъ и въ прежнемъ составѣ.

Редакція „Рабочаго Дѣла“

Здѣсь изъ правильныхъ посылокъ дѣлается совершенно *субъективный выводъ*. № 6, „Р. Дѣла“ былъ почти совсѣмъ готовъ въ моментъ узурпаціи. Это вѣрно. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что его надо было передать той самой редакціи или той самой администраціи, которая, сложивъ съ себя полномочія, можно сказать, въ самомъ неуязвимомъ мѣстѣ, перестали быть редакціей и администраціей и потеряли всякое право на исполненіе какихъ бы то ни было общественныхъ функций. Это ясно, какъ божій день.

Да, ясно. Но именно потому, что это ясно, господа, именующіе себя редакціей, стараются напустить туману. Они помнятъ іезуитское правило: Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose. И надо сознаться, что отъ ихъ выдумокъ не мало, остается“ въ головахъ публики. Очень ужъ стараются эти господа! У почтенной компаніи, стоящей за спиной „редакціи“, образовалось очень цѣлесообразное раздѣленіе труда: одни измышляютъ, другіе развозятъ из-

мышленное и сбываютъ его при подходящихъ обстоятельствахъ. Меня не разъ приглашали выступить противъ этихъ разносчиковъ выдумки. Но я отклонялъ и буду отклонять эти приглашенія. Одинъ, очевидно сочувствующій намъ корреспондентъ съ негодованиемъ говорить, что онъ присутствовалъ на собраніи въ городѣ Х., гдѣ одинъ изъ коммун-войжеровъ клеветы будто бы подвергалъ „оплеванію“ группу „Освобожденіе Труда“. Я благодарю товарища-корреспондента за его сочувствіе, но отъ всего сердца прошу его успокоиться. Коммун-войжеры слепые своимъ поведеніемъ, „оплеваютъ“ самихъ себя и только самихъ себя. Группа „Осв. Труда“ стоитъ выше, — о, повѣрьте, товарищ-корреспондентъ, — гораздо, неизмѣримо выше такихъ нападокъ и такихъ выдумокъ. Странствующіе продавцы сплетенъ растутъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, „борясь“ съ группой, а группа очень низко упала бы въ собственномъ мнѣніи, если бы вступила съ ними въ состязаніе. Всякому свое. „Редакторы“ „Раб. Дѣла“ измышляютъ клевету. Ихъ коммун-войжеры развиваютъ ее. Легкомысленные обочники до сенсационныхъ происшествій, Добчинскіе и Бобчинскіе обоего пола, внимаютъ и, можетъ быть, рукоплещутъ имъ. А группа „Осв. Тр.“, поддерживаемая многими искренно и глубоко уважаемыми ею членами организаціи, называвшейся „Союзомъ Русскихъ Соціалдемократовъ“, серьезно работаетъ и идетъ впередъ, ни мало не смущаясь направленными противъ нея печатными и устными пасквилями. Нашъ учитель говорилъ:

Segui il tuo corso
E lascia dir le genti.

Эти гордые слова были нашимъ девизомъ съ самаго начала нашей дѣятельности. А кромѣ того, мы всегда хорошо помнили мораль Крыловской басни: „полаютъ, перестанутъ“.

Все это было бы смѣшно, еслибы не было такъ грустно. Но мнѣ не хочется класть перо подъ грустнымъ впечатлѣніемъ, и потому я закончу

КУРЬЕЗЪ № III.

На стр. 65 второго отдѣла того же, богатаго курьезами, № 6 „Р. Д.“ я читалъ: ЗАЯВЛЕНІЕ.

„Редакція „Раб. Дѣла“ считаетъ пужнымъ заявить, что заключеніе статьи В. И.—на „Фабричная инспекція въ Россіи“ въ той именно формѣ, въ какой оно напечатано, и въ частности слѣдующее мѣсто:

„Невольно рождается вопросъ: преодолѣтъ-ли, однако, русский рабочий всѣ грозныя силы, которая противъ него выдвигаются? Не задавить-ли въ дѣйствительности звѣрское правительстве наше все еще молодое и неокрѣпшее рабочее движеніе?“ попало на страницѣ „Раб. Дѣла“ противъ воли большинства редакціи.

Редакція.

Вотъ оно какъ: *противъ воли большинства редакціи*. Угнетателей угнетаютъ. Узурпаторы, въ свою очередь, дѣлаются жертвой узурпаціи. Между г. И.—нымъ и большин-

ствомъ редакціи, нѣкогда старавшимся примирить его съ Марксомъ, начинается распря, о которой большинство редакціи повѣствуетъ не въ особомъ приложеніи къ книжкѣ, а въ *самой книжкѣ*, не боясь смутить *извѣстіемъ о ней рабочихъ*. Когда большинство редакціи рѣшило довести объ этой распрѣ до свѣдѣнія рабочихъ, оно не увидѣло въ этомъ рѣшеніи ничего „невыполнимаго“. Но въ своей наивности оно не подумало о томъ, что, помѣщая свое заявленіе въ текстъ, а не въ приложеніи, оно само разбиваетъ свои доводы, направленные противъ „г.-на Плеханова“, и изложенные во второмъ приложеніи. Вотъ что значитъ необдуманность дѣйствій!

О дѣти, какъ опасны ваши дѣла!

Vous n'êtes que des farceurs, воскликнулъ однажды Прудонъ по адресу не помню уже какихъ именно своихъ противниковъ. Это восклицаніе невольно вспомнилось мнѣ, когда я прочиталъ направленный противъ „г.-на Плеханова“ обличеніи такъ называемой редакціи „Рабочаго Дѣла“.

Vous n'êtes que des farceurs!

Женева, іюнь 1900 года.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

Р. С. Только что получилъ брошюру: „Въ защиту Союза. Ответъ комиссіи Союза Русскихъ Соціалдемократовъ о захватѣ типографіи и склада Союза“. У брошюры есть приложеніе — пока только одно. Это — новое произведеніе „молодцовъ“ г. Г. По своему обыкновенію, „молодцы“ г. Г. преподносятъ читателю „неблизкую въ лицѣ“. Я разберу ихъ произведеніе въ слѣдующій разъ. Теперь пока скажу вотъ что. Изъ брошюры я узналъ, что команда г. Г. *осуждаетъ* или *порицаетъ* изданіе мною Vademecum'a. Я нахожу это вполне естественнымъ. Въѣдъ Vademecumъ разоблачаетъ эту команду и странно было бы, если бы она его одобряла. Такъ наши провинціальныя „воротилы“ не одобряютъ корреспондентовъ, разоблачающихъ ихъ дѣлшки и ихъ интрижки. Но командѣ хочется выдать свое порицаніе за порицаніе, высказанное съѣздомъ. Это пустяки. Въ то время, когда они принимали свое рѣшеніе, они были не на съѣздѣ, а на частномъ собраніи, состоявшемъ изъ птенцовъ г. Г.

Въ слѣдующій разъ я разскажу исторію „захвата“, и тогда читатель окончательно убѣдится въ томъ, что въ захватѣ надо обвинять не тов. Суцнинскаго, а именно ихъ, молодцовъ г. Г., полагающихъ, что „толковать рабочей массой въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о социализмѣ, объ уничтоженіи самодержавія вообще нелѣпо и непродумательная трата силъ“ и „что утопично и ребячество ставить въ программу обобществленіе орудій труда“ (см. Vademecum, стр. 30 и предыдущее примѣчаніе).

г. п.